

диционным ценностям, которые при внимательном рассмотрении своим истоком имеют или неолиберализм (в случае с евроисламом), или панарабизм (в случае с ваххабизмом).

Таким образом, идеологии, проповедующие насильственное изменение конституционного строя, — нацизм и фашизм — преследуются по закону. А противодействие идеологии постмодернистского либерализма встречает серьезное сопротивление сил, имеющих поддержку в т.ч. и в среде тех, кто осуществляет культурную политику страны.

Литература

Калачев Б.Ф. 2011. Вопреки решениям Нюрнбергского трибунала: новые тенденции и формы пропаганды фашизма. — *Пространство и время*, № 2. С. 77-85.

Кожин В.В. 2013. Правда сталинских репрессий. — М.: Алгоритм, 400 с.

Межуев В.М. 2008. Глобальное и локальное в современном мире. — *Глобализм и цивилизационная идентичность России*. Материалы научного семинара. Вып. № 2(11). М.: Научный эксперт.

Солонько И.В. 2011. *Феномен концептуальной власти: социально-философский анализ*: монография. 3-е изд., перераб. и доп. — М., ИП Савушкин, 304 с.

Эстулин Д. 2014. *Тавистокский институт* (пер. с англ. П. Самсонова). — Минск: Попурри, 368 с.

УДК: 341.231.4

КОЧЕТКОВ Владимир Валерьевич —

к.филос.н., старший преподаватель кафедры государственного и муниципального управления Академии гражданской защиты МЧС России

*141435, Россия, Московская обл., г. Химки, мкрн. Новогорск, корп. 1.
vovov69@mail.ru.*

ЛИБЕРАЛИЗМ ИЛИ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ: К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЙ

LIBERALISM OR CONSTITUTIONALISM: TOWARDS THE DEFINITION OF THE CONCEPTS

В данной статье осуществляется экспликация аксиологических оснований конституционализма и либерализма на основе метода единства исторического и логического. Автор приходит к выводу, что данные феномены имеют разные интенции в сфере государственного строительства. Так, в эпоху Модерна, когда появился и конституционализм, и либерализм, основной задачей было ограничение государственной власти во имя развития индивидуальной свободы. Автор показывает, что свобода может быть осмыслена в неразрывном аксиологическом единстве частной и публичной автономии. И если в конституционализме изначально это понималось, то либерализм отдавал приоритет частной автономии, а публичную сферу стремился элиминировать. Непонимание этих различий привело к тому, что до сих пор в отечественной

науке и правоприменении доминирует отождествление конституционализма и либерализма, а вместо конституционализации власти и экономики в результате реформ 1990-х гг. мы имеем коррумпированное государство и олигархическую экономику. В итоге демократический потенциал Конституции РФ 1993 г. так и остался нереализованным.

Ключевые слова: либерализм, конституционализм, частная автономия, публичная автономия, свобода, справедливость

This article provided an explication of the axiological foundations of liberalism and constitutionalism using the dialectical method of the unity of the historical and logical investigation. As a result, the author concludes that these phenomena have different intentions in state construction. Thus, in the era of modernity, when constitutionalism and liberalism appeared, the main objective was to limit state power in the name of development of individual freedom. The author shows that freedom as it is can be conceptualized as an indissoluble axiological unity of private and public autonomy. Constitutionalism initially had such understanding, but liberalism gave priority to private autonomy whereas the public sphere was sought to eliminate. Failure in understanding this issue has led to the fact that so far in Russian social sciences and law dominates the identification of these different phenomena. That's why we have a corrupt government and oligarchic economy instead of constitutionalization of state power and economy. As a result, the democratic potential of the Russian Constitution of 1993 still remained unrealized.

Keywords: liberalism, constitutionalism, private autonomy, public autonomy, freedom, justice

Не очень популярный ныне мыслитель К. Маркс по поводу диалектики развития идей как-то заметил, что истина рождается как ересь, а умирает как догма. Представляется, что именно такое превращение в современной российской истории произошло с понятием «либерализм». В 90-е гг. прошлого века вся российская элита клялась в верности либерализму, который в их понимании свелся только к грабительской приватизации общенародной собственности. В начале же XXI в. настроения властвующей элиты радикально изменились. Теперь ей необходимо было решить две взаимоисключающие задачи. С одной стороны, снять с себя ответственность за негативные последствия перехода России из развитого социализма в дикий капитализм, а с другой — ничего не менять по существу. Выход был найден оригинальный: народное недовольство было направлено на безымянных либералов и нелояльных олигархов, которых обвинили во всех грехах «лихих девяностых». А для сохранения в своих руках несправедливо приватизированного была уже необходима помощь государства как организации, обладающей исключительным (суверенным) правом на легитимное насилие. Так все вдруг стали государственниками, а либерализм — ругательным словом. Любопытно, что эта

метаморфоза либерализма от своего начала и до сего дня обосновывалась принципами конституционализма, зафиксированными в Конституции 1993 г.

В данной работе мы попытаемся (1) выяснить теоретические предпосылки этой метаморфозы либеральных идей в современной России и (2) определить содержание понятий «либерализм» и «конституционализм». Возможно, это позволит нам сохранить исходную «ересь» либерализма в условиях его догматизации.

Нельзя сказать, что проблеме соотношения понятий «конституционализм» и «либерализм» в современной отечественной науке уделяется мало внимания. В общем и целом можно выделить следующие позиции по данному вопросу.

Представители первой считают, что либерализм первичен (в парадигмальном смысле), а конституционализм вторичен. Они полагают, что конституционализм есть всего лишь правовая идеология либерализма [Медушевский 1994: 71-86]. Так, например, И.А. Кравец, соглашаясь с А.Н. Медушевским, пишет: «Политико-правовым выражением либерализма в ходе перехода к индустриальному обществу всегда выступал конституционализм. [А в свою очередь] ...конституционализм был связан с возникновением массового общества, с борьбой в политической

сфере за всеобщее избирательное право, в гражданской — движением за гражданские права и равноправие» [Кравец 2002: 44].

Такая позиция, на наш взгляд, просто не соответствует истории либерализма и конституционализма. Сопряжение генезиса данных феноменов с переходом к индустриальному (или массовому) обществу не дает нам ответа на вопрос, как были связаны, например, конституционные акты английской «Славной революции» 1688–1689 гг. или американской революции 1776 г. с индустриализмом и массовым обществом. Очевидно, никак. Переход к индустриальному обществу начался в Англии только в конце XVIII в., а в США — и того позже. Являются ли они по своему содержанию либеральными? Безусловно, да. Кроме того, тезис о среднем классе (или средней и мелкой буржуазии) как движущей социальной силе, порождающей либерализм и конституционализм, также противоречит данным исторической науки. Согласно справедливому замечанию В.Ю. Захарова, «поначалу в большинстве стран борьбу за введение Конституции ведет аристократия и дворянство, тогда как формирующееся третье сословие в силу своей политической зависимости и пониженного положения даже не пытается поначалу заявить о своих правах, а если и пытается, то его требования зачастую умереннее соответствующих требований дворянства и аристократии» [Захаров 2010: 67]. Такое положение было характерно для Западной Европы вплоть до второй половины XVIII в.

Другая позиция, также широко распространенная в отечественном обществоведении, исходит из того, что либерализм и конституционализм суть фактически тождественные понятия, во всяком случае, были таковыми на этапе своего генезиса. Так, например, исследователи В.Г. Баев и Е. Ковальски по этому поводу пишут следующее: «Принципиальное значение в раннебуржуазных революциях имело движение за политическую свободу. Свобода рассматривалась как достояние частных лиц и представительных учреждений народа,

обретаемое в борьбе против своеволия королевской власти, правительственной бюрократии, против духовного диктата церкви, иноземного гнета» [Баев, Ковальски]. Каковы же были основные принципы либерализма к моменту его оформления в общественно-политическое движение? Так, например, В.В. Леонтович считает главным принципом либерализма индивидуализм. Он подчеркивает, что «именно человек, отдельная личность в либерализме стоит на первом месте, а ценность общественных групп или учреждений измеряется исключительно тем, в какой мере они защищают права и интересы отдельного человека и способствуют осуществлению цели отдельных субъектов» [Леонтович 1995: 3]. Именно такое понимание либерализма и стало догмой в современном российском обществознании. Хотя оно, по нашему мнению, серьезно искажает исходную истину либерализма, а именно желание построить справедливое общество. Еще один из основоположников теории либерализма Дж. Локк, защитник свободы и собственности как естественных прав человека, писал: «Первым и основным естественным законом, которому должна подчиняться сама законодательная власть, является сохранение общества и (в той мере, в какой это будет совпадать с общественным благом) каждого члена общества» [Локк 1988: 339].

Второй, по мнению В.В. Леонтовича, главнейший принцип либерализма — это принцип невмешательства государства в существующие взаимоотношения людей и какое-либо нарушение привычных жизненных форм. Поэтому согласно либеральному мировоззрению, считает он, исторические долиберальные государственные формы нельзя разрушать революционным переворотом, их нужно только преобразовывать. Из этого тезиса автор делает два любопытных вывода. Во-первых, следует четко отличать либерализм от радикализма и настоящим либерализмом считать лишь либерализм консервативный. И во-вторых, само существование либерализма как идеологии и политической практики зависит от того,

насколько он будет придерживаться эволюционных методов преобразования уже существующих структур. Иначе говоря, признание достоинства и прав человека должно происходить медленно, эволюционно, под руководством мудрых наставников. Свобода подразумевает ответственность, а этими качествами обладают только собственники, ибо им есть что терять. Отсюда следует, что усилия государства должны быть направлены на формирование такого слоя мелких и средних собственников, а это, в свою очередь, требует вмешательства в сложившиеся социальные отношения, т.е. определенного насилия. Так либерализм, понимаемый как политика защиты свободы собственников, становится революционной и радикальной теорией, взрывающей традиционный уклад жизни. Собственно говоря, именно это и произошло в России в 90-х гг. прошлого века. Желание создать массовую социальную основу демократии и либеральной экономики привело к ваучерной (бесплатной) приватизации, а потом — к концентрации всей общенародной собственности в руках олигархов и коррумпированных чиновников.

На этом фоне странным выглядит третий основной принцип либерального мировоззрения, сформулированный В.В. Леонтовичем: принципиальный отказ от насильственных методов при проведении преобразований [Леонтович 1995: 3]. Данный подход, по нашему мнению, не способен адекватно объяснить причины, например, английской, американской или французской революций. Конечно, любые революции ведут к неконтролируемому насилию в обществе, но что делать, если господствующая элита не хочет признавать человеческое достоинство своих подвластных? Как известно, право народа на сопротивление — это один краеугольных камней конституционализма, четко сформулированных, начиная с Дж. Локка и американской Декларации о независимости 1776 г. и заканчивая Всеобщей декларацией прав человека 1948 г. Это во-первых. А во-вторых, консерватизм — это архетип традиционного правосознания, а конституционализму при-

суще стремление к рационализации всех общественных отношений на основе идеалов свободы и справедливости. Именно само это стремление и может быть истолковано как насилие над нежелающим модернизироваться традиционным обществом. И в этом пункте, если мы будем стоять на точке зрения В.В. Леонтовича, конституционализм и понимаемый таким образом либерализм фатально расходятся. А по поводу сопряжения либерализма и демократии необходимо помнить, что, например, Англия до середины XIX в. была весьма либеральным государством, но при этом была далека от демократии, между тем как современная Исламская Республика Иран вполне демократична с формальной точки зрения, но при этом совершенно не либеральна.

Итак, современная российская наука и властвующая элита сначала (т.е. в 90-е гг. прошлого века) отождествляли конституционализм и либерализм, причем социальной основой этих феноменов считали мелких и средних собственников, а с точки зрения аксиологии свобода редуцировалась к частной автономии. Затем, когда стало ясно, что этот слой создать не удалось, а наоборот, сформировалось типичное социально поляризованное общество с олигархическим богатством на одном полюсе и с безнадежной нищетой — на другом, тогда политический либерализм был забыт и вперед вышли государственники эпохи «суверенной демократии».

Мы исходим из того, что, для того чтобы правильно определить существо феноменов либерализма и конституционализма, необходимо эксплицировать аксиологические основания того и другого, используя метод единства исторического и логического. В широком смысле под конституционализмом следует понимать публично-правовую этику (форму правосознания), а также дедуцируемую из ее исходных ценностей реальную практику государственного строительства. Данная форма правосознания считает возможным и необходимым строить на рациональной основе систему государственного управления (взаимоотношений между гражданином и властью), взаимоотно-

шений между самими гражданами, а также между индивидом и обществом и даже между суверенными государствами. Конституционализм исходит из признания равного достоинства за каждым свободно определяющимся (суверенным) субъектом социума (индивид, группа граждан, нация) или международного сообщества (государство).

Признание достоинства в данной парадигме реализуется через предикацию естественных и неотчуждаемых (что есть моральная и правовая гарантия свободы разума и воли) прав (свободы делать или не делать что-либо) гражданина (объединений граждан, наций, государств) при условии признания последним (последними) и честного следования всей совокупности рациональных правил общественной, государственной и международной жизни. Иначе говоря, *конституционализм* есть теоретическая парадигма правосознания, решающая задачу по разработке определенных принципов справедливого устройства общественной жизни, которые позволяют обеспечить реализацию частной и публичной автономии для всех социальных субъектов. Для него категории свободы, справедливости и человеческого достоинства являются фундаментальными ценностями.

В самом начале (в XVII – XVIII вв.) конституционализм являлся теоретическим решением проблемы так называемого естественного состояния человечества, которое прагматик Т. Гоббс описывал как состояние «войны всех против всех», а романтик Ж-Ж. Руссо – как идиллию первобытных дикарей, которых испортили хитрецы, придумавшие собственность, что в конечном итоге все равно вело к войне. Но для обоих вариантов «естественного состояния» было характерно отсутствие рационально организованной жизни на основе принципов справедливости и права, и вследствие этого – полное отсутствие свободы, т.к. при таком положении дел не было даже гарантий личной безопасности. Такая ситуация с необходимостью ведет к тотальной борьбе за утверждение своего достоинства и, прежде всего, за свою безопасность. А

всякая борьба в социуме любого масштаба, как известно, приводит к иерархии и порождает власть. Очевидно, что рациональность (справедливость) требует признания равного достоинства за всеми социальными субъектами в иерархически организованном обществе, иначе невозможно избежать рецидивов «естественного состояния».

А что же такое свобода, и чем она ценна? Еще древние говорили: *omnis determinatio est negatio* – всякое определение есть отрицание. В этой связи постановка проблематики свободы в философском и правовом дискурсе, по нашему мнению, должна звучать так: «отрицанием чего является содержание понятия “свобода”?». В этой связи З. Бауман справедливо пишет: «Свобода родилась как привилегия и с тех пор всегда ею оставалась. Свою привлекательность она черпает из различия. Свобода обозначает социальное отношение, асимметрию социальных состояний; в сущности, она подразумевает социальное различие – она предполагает и имплицитно наличие социального деления» [Бауман 2006: 22]. Конституционализм как картина мира исходит из того, что пространство свободы возникает только вне сферы дискреции власти. Для этой формы правосознания контрадикторность оппозиции свободы и власти пронизывает всю систему и все уровни общественного разделения труда в любом типе социальности (семье, первичном трудовом коллективе, конфессиональном союзе, племени, современном государстве и т.д.). Именно поэтому любую власть необходимо ограничивать и разделять, т.к. этот общественный институт по своей внутренней логике тяготеет к всеобщности. Ибо по своей сути власть есть не что иное, как всего лишь монополизация некоторым социальным субъектом определенной общественной функции, а именно функции рационального целеполагания, организации и контроля (т.е. управления), которые являются основными характеристиками общественного бытия. Эта имманентная характеристика власти получила свое

отражение и закрепление в юридической и политической науках в понятии «суверенитет».

Всеобщность власти как акциденции (само)управления обществом может быть ограничена только институционально: или традицией, или правом. Последнее в конституционном смысле есть не что иное, как рационализация с помощью догматического метода властных отношений на основе норм морали и архетипов правосознания, intersubъективно принятых данным социальным субъектом (индивидом, родом, племенем, обществом, религиозным сообществом и т.д.). А моральная и правовая оценка, как известно, возможна только в отношении поступков свободной и ответственной (деликтоспособной, говоря юридическим языком) личности, обладающей объективным достоинством, т.е. intersubъективной значимостью в конкретном социуме.

Без признания достоинства (или правосубъектности, согласно юридической терминологии) человека невозможно объективация его свободы. Однако редукция человеческого достоинства к обладанию вещью (собственностью) ограничивает человеческую субъектность только рамками частнопроводных отношений, оставляя за рамками публично-правовую сферу, т.е. общество как таковое. Эта сфера при таком подходе не элиминируется, а просто отдается на откуп властвующей элите. Это терпимо, пока общество в основном регулируется традиционными институтами (патриархальная семья, соседская община, корпорация, патрон-клиентские отношения). Но в эпоху индустриализма и массового общества такая редукция ведет к социальным конфликтам, ставящим под вопрос само существование данного социума. Именно поэтому конституционализм сопрягает категорию свободы и категорию достоинства человеческой личности в неразрывном аксиологическом синтезе. Можно даже с уверенностью сказать, что этот синтез лежит в основании европейской культуры. Еще крупнейший мыслитель Средневековья Фома Аквинский писал: «Мы называем сво-

бодным человека, который есть причина самого себя» [Фома Аквинский 2006: 92]. Человек же эпохи Модерна, а тем более Постмодерна уже не мыслит себя состоявшейся личностью вне права, защищенного государством и признанного другими личностями — членами данного социума на частную и публичную автономию. Как подчеркивал еще И. Кант, «автономия есть основание достоинства человека и всякого разумного естества» [Кант 1965: 278]. Иначе говоря, частная и публичная автономия является морально-правовой квинтэссенцией понятия свободы, также она служит объективной предпосылкой достоинства индивида, а способностью реализовать это право — intersubъективным квалифицирующим условием признания достоинства личности со стороны общества и власти. И в этом состоит аксиологическая ценность понятия «свобода» в такой своеобразной картине мира, как конституционализм.

Очевидно, что право на частную автономию как существенный аспект свободы человека в его государственном бытии предполагает наличие реальных возможностей для реализации личного жизненного проекта. А право на публичную автономию как другая сторона бытия свободы в государстве есть не что иное, как возможность реально влиять на содержание законов, а также на формы политики по их претворению в жизнь, т.к. именно от этого и зависит реализация своей концепции благой жизни. Иначе говоря, индивидуально-общественная противоречивая сущность человека проявляется в частности и публичности как двух взаимосвязанных аспектах реализации свободы в наличном бытии государства эпохи Модерна.

Для того чтобы признание достоинства человеческой личности, ее права на частную и публичную автономию стало реальностью, а не оставалось только теоретически выраженной ценностью, в рамках данной парадигмы были разработаны определенные принципы государственного строительства:

— обеспечение государством реальных условий для частной и публичной автономии гражданина;

– верховенство права, имеющее своей целью защиту свободы и справедливости, а также основных прав человека;

– ограничение сферы дискреции государственной власти институционально, а также независимым судом, применяющим право и законы, направленные на защиту свободы граждан;

– формальное равенство всех (и рядовых граждан, и власть имущих) перед законом в своем праве на частную и публичную автономию;

– четкое разделение по вертикали и горизонтали государственной власти по полномочиям и способам легитимации;

– осуществление законодательной власти исключительно органом народного представительства;

– ответственность исполнительной власти перед высшим законодательным органом.

Обобщая, можно сказать, что вышеперечисленные принципы составляют глубинную суть конституционализма, поскольку их реализация позволяет четко ограничить сферу дискреции власти, а значит и четко определить пространство свободы. В этой связи Ф. Хайек точно заметил: «Ограничение власти было великой целью основателей конституционных правительств в XVII и XVIII вв. Но [к сожалению] эти усилия были по существу оставлены, поскольку сложилось ошибочное убеждение, что демократический контроль над властью достаточен для ее ограничения» [Хайек 2004: 449]. Необходимо также отметить, что сочетание теоретически выраженных ценностей свободы и достоинства человека с требованием честности и справедливости предотвращает перерождение конституционализма в некий набор мертвых догм, поскольку требует давать на любые вызовы со стороны постоянно изменяющейся социальности только такие ответы, которые сохраняют, а лучше – расширяют сферу частной и публичной автономии. Так, например, для доиндустриального капитализма была адекватна концепция «государства – ночного сторожа», а на классовые противоречия индустриального капи-

тализма был дан ответ в виде теории социального государства [Кочетков 2012: 152-163].

В свете вышеизложенного *либерализм* можно определить как политическую идеологию, стремящуюся реализовать принципы свободы и справедливости путем, с одной стороны, ограничения сферы дискреции публичной власти, а с другой – развития и расширения сферы частной автономии. Разрывая две стороны бытия свободы, либерализм на этапе своего генезиса хотя и сопровождал развитию конституционализма, тем не менее рано или поздно вступал в противоречие со своим визави. На Западе это случилось в XIX в. в условиях обострения рабочего вопроса, на который конституционализм дал ответ в виде теории социального государства. Правда, когда с 80-х гг. прошлого века начался кризис государства всеобщего благосостояния, снова оказался востребованным так называемый неолиберализм, делающий, как и его предшественник, акцент на свободе как частной автономии и отдающий публичную сферу во власть экспертов и различных медиа.

К сожалению, постсоветская Россия начала строить демократию по импортным неолиберальным лекалам. При этом отечественная властвующая элита лицемерно утверждала, что осуществляется конституционализация государства и экономики. Когда же лицемерие стало очевидно для всех и мы получили коррумпированное государство и власть олигархов вместо либерализма или конституционализма, те же люди цинично нам сообщили, что надо забыть о либеральной идее, что свобода и демократия противоречат ментальности российского народа и что следует обратиться к иным духовным скрепам, найденным в глубинах российской истории то ли советского, то ли самодержавного периода. Таким образом, либеральная истина (или ересь) о приоритете ценности свободы в государственной жизни в условиях некритической (догматической) рецепции всей концепции либерализма привела к тому, что в

который раз проблема конституционализации российской власти так и не была решена. Задача же отечественной общественной науки в этой связи состоит в том, чтобы на основе

аксиологического анализа феноменов либерализма и конституционализма разоблачить цинизм российской властвующей элиты и тем самым спасти дело свободы и справедливости.

Литература

- Баев В.Г., Ковальски Е. *Конституционализм: история и теория вопроса*. Доступ: <http://pvlast.ru/archive/index.512.php> (проверено 28.05.2014).
- Бауман З. 2006. *Свобода*. М.: Новое издательство, 132 с.
- Захаров В.Ю. 2010. *Российский конституционализм 2-ой половины XVIII – 1-ой четверти XIX вв. в контексте развития западноевропейской правовой мысли*: дис. ... д.и.н. М.
- Кант И. 1965. Критика практического разума. – *Сочинения*. В 6 т. М.: Мысль. Т. 4, ч. 1. С. 381-425.
- Кочетков В.В. 2012. Конституционализм и социальный вопрос. – *Полис*, № 2. С. 152-163.
- Кравец И.А. 2002. *Формирование российского конституционализма (проблемы теории и практики)*: дис. ... д.ю.н. Екатеринбург.
- Локк Дж. 1988. Два трактата о правлении. – *Сочинения*. В 3 т. М.: Мысль. Т. 3. С. 137-405.
- Леонтович В.В. 1995. *История либерализма в России 1762–1914 гг.* М.: Русский путь, 444 с.
- Медушевский А.Н. 1994. Что такое мнимый конституционализм? – *Социологические исследования*, № 2. С. 71-86.
- Фома Аквинский. 2006. *Сумма теологии*. Ч. II-I. Киев: Эльга, Ника-Центр, 560 с.
- Хайек Ф.А. 2004. *Право, законодательство и свобода: Современное понимание либеральных принципов справедливости и политики*. М.: ИРИСЭН, 644 с.

МАРАСОВА Светлана Евгеньевна –

аспирант кафедры философии Ульяновского государственного университета (УлГУ)
432017, Россия, г. Ульяновск, ул. Л. Толстого, 42.
marasova@list.ru

БАРАНЕЦ Наталья Григорьевна –

д.филос.н., доцент; профессор кафедры философии УлГУ
n_baranetz@mail.ru

ВЕРЁВКИН Андрей Борисович –

к.физ.-мат.н., доцент; доцент кафедры алгебро-геометрических вычислений УлГУ
a_verevkin@mail.ru

МАТЕМАТИКИ ОБ ИДЕОЛОГИИ И НАУКЕ

MATHEMATICIANS ABOUT IDEOLOGY AND SCIENCE

В статье на примере российского математического сообщества исследуется проблема идеологии в науке в двух различных, но тесно взаимосвязанных аспектах. Изучается влияние на науку внешней политической идеологии, проявляющееся в феномене идеологизации. Анализируется специфика внутренней идеологии научного сообщества – сциентизма и отношение к ней математиков. Показано, как с начала 1920-х гг. проходила борьба за статус в математическом сообществе. Исследовано отношение некоторых выдаю-